

ПРИСЯГА

Оставаться на месте нашей первоначальной стоянки было опасно, и мы ушли в глубь леса. Погода начала портиться. По утрам из долин подымался холодный туман, осенне солнце не успевало его рассеивать, с востока набегали плотные тучи и начинался моросящий дождь с холодным ветром. Заморозков еще не было.

На новом месте мы решили устроиться поосновательнее. Людям нужен был отдых и защита от непогоды. Мы настроили шалашей, а обоз и имущество отвели подальше в горы, в безопасное место. В наших повозках—драгоценные продукты и боеприпасы. Их осталось очень мало, пришлось урезать партизанский паек. Есть надежда на продовольственные базы, заложенные в районе горы Мулги.

Комиссар отряда ежедневно принимал сводки Совинформбюро. Вести неутешительные. В каждой сводке рассказывалось о зверствах гитлеровских захватчиков. Эти рассказы сразу же становились известными каждому партизану. Но многие партизаны своими глазами видели в близлежащих селах убитых мирных жителей и детей, спаленные и разграбленные дома, оскверненные школы, клубы, больницы. В сердце каждого партизана росли гнев, стремление отомстить врагу.

Жизнь в отряде шла своим чередом. Партизаны ходили в разведку, выясняли численность окружающих нас немецких гарнизонов, узнавали о намерениях врага. К нам каждый день приходили бойцы, отбывшиеся от своих частей во время отступления к Севастополю, колхозники из ближних сел. Сначала нам казалось, что все они патриоты, не желающие покориться врагу. Мы както забыли о том, что среди них могут быть предатели и шпионы, специально посланные в отряд. Пришло время, и мы поняли, что каждого пришедшего в отряд нужно тщательно проверять и изучать. Началось с того, что однажды утром мы обнаружили вокруг шалашей немецкие листовки.

Как они попали в расположение отряда? Самолеты над лесом в последние дни не появлялись. Если бы листовки были сброшены с воздуха, они разлетелись бы всюду, а эти листовки были аккуратно разложены около входов в партизанские жилища. В листовках немцы писали:

«Партизаны! Ваша борьба бессмысленна. Красная

Армия отступает на всех фронтах. Не сегодня-завтра падет Севастополь. В лесу находятся отдельные жалкие горсточки людей, обманутых коммунистами. Если вам дорога жизнь и вы не хотите умереть с голоду, покидайте свои укрытия, идите в свои дома и семьи. Помните, что горсточка людей не в состоянии предотвратить победу германской армии, тем более, что миллионы армии русских уже разгромлены. Эта листовка является пропуском и гарантией безопасности для любого партизана, который пожелает добровольно сложить оружие».

Такую листовку рано утром поднял партизан Михаил Митрофанович Шувалов. Он взял бумажку и пошел к комиссару. Подошли и другие партизаны. Люди шумели, возмущались. Тогда Василий Ильич Черный обратился к собравшимся:

— Товарищи! Среди нас нашелся предатель, он сегодня ночью, как вор, пробрался к нашим шалашам и раскидал полученные от немцев листовки. Он и его хозяева надеются, что у нас найдутся люди, способные на предательство. Может, этот гад прав? Может, гнусная бумагонка и вправду является гарантией безопасности?

— Мягко стелют, сволочи!

— Знаем! Всех, кто приходит к ним с листовками, расстреливают без суда!

Тогда поднялся Михаил Горский, попросил тишины и заговорил:

— Мы все пошли в лес добровольно. Мы — партизаны, народные мстители. Но вот затаился среди нас один нуда. Мы его найдем во что бы то ни стало. А честным людям надо верить! Давайте дадим клятву нашему народу и партии в том, что будем бить захватчиков до полной победы!

Предложение Горского пришлось по душе всем. Комиссар и несколько коммунистов ушли составлять текст партизанской клятвы. Отряд построился.

Над лесной поляной поднимается утреннее солнце. Партизаны стоят полукругом с винтовками и автоматами. Лица у всех суровы. Звучит команда: «Партизаны, смирино!» На возвышенность выходит комиссар Черный. Одна рука лежит на стволе автомата, висящего на груди; в другой листок с текстом присяги. Голос у комиссара не громкий, но слова проникают в самую душу.

— Друзья мои! Мы только начали свою боевую жизнь, но и сейчас можем смело глядеть в глаза каж-

В. И. Черный.

К. Н. Сизов.

дому советскому человеку. В первом бою дрались мы хорошо, бесстрашно. Наши сердца полны ненависти к врагу, и мы будем бить фашистских захватчиков до тех пор, пока не останется на нашей земле ни одного гитлеровца. Враг силен, коварен, он хочет покорить наш народ, надеть на советских людей ярмо рабства. Несмотря на огромные жертвы, он рвется к Севастополю. Но пусть знают все: пока хоть один партизан находится в этих лесах — не будет фашистам покоя на крымской земле. Поклянемся же, друзья, что, если понадобится, не пощадим жизни ради победы, ради святого дела, за которое сложили головы наши боевые товарищи.

— Клянемся! — как один ответили партизаны.

— За сожженные города и села, за смерть наших отцов и матерей, жен и детей, братьев и сестер, за пытки и насилия, издевательства над нашим народом — клянемся мстить до последней капли крови...

— Клянемся!

— Клянемся, что скорее погибнем, чем отдадим себя, свою семью и свой народ в рабство фашизму. Клянемся, что будем стоять насмерть, но помешаем фашистам взять Севастополь!

— Клянемся!

— А если кто из нас по слабости, трусости или по злому умыслу предаст своих друзей, свой народ — пусть того беспощадно покарает рука товарищей и он умрет позорной смертью! И в этом клянемся!

— Клянемся!

Так была принята партизанская клятва — торжественная присяга на верность партии и народу. И сейчас я могу с гордостью сказать, что в суровых боях, в стужу и жару, перенося тяжелые испытания, лишения и толод, мои друзья-партизаны свято выполнили ее.

В тот же день Василий Ильич собрал партийное собрание. Нужно было принять кандидатами в члены партии отличившихся в первом бою партизан, решить некоторые спорные вопросы. Кстати сказать, это правило, введенное в отряде Василием Черным, — советоваться по главным вопросам жизни с коммунистами отряда, мы не забывали до конца боев в тылу врага. И только поэтому наш отряд всегда был боеспособным и имел самые малые потери в тяжелых боях.

На этом партийном собрании, в частности, разбирался вопрос о взаимоотношениях командиров с подчиненными. Некоторые предлагали ввести в отряде порядки, как в настоящей воинской части. «Без этого, — говорили они, — не будет дисциплины».

Надо сказать, что за короткое время пребывания в лесу у нас уже сами собой сложились некоторые формы отношений между людьми. Но они не отвечали требованиям строевого устава. Меня, например, мои подчиненные зачастую называли просто Михаилом Андреевичем. Если комиссар вызывал партизана, тот приходил и спрашивал: «Вы меня звали, Василий Ильич?» А между собой мы называли друг друга по именам — Миша, Вася, Костя, Коля, будто родные братья.

Были люди, которые считали это иенормальным. Но большинство коммунистов считало, что главное в отношениях не внешняя форма, а содержание, «дисциплина сердца». Партизан, даже если он не в бою, все равно живет и действует в тылу врага. И если он, подходя по вызову к начальнику, отчеканит: «Товарищ командир отряда! Разведчик Иванов по вызову явился!», то этим самым даст понять врагу, что здесь целый отряд, подведет под удар командира и раскроет свое имя — имя разведчика. Поэтому собрание решило обратить основное внимание не на внешнюю сторону дисциплины, а на

ее «сердцевину» — боевую спайку, «на партизанское братство», как выразился комиссар.

Второй вопрос — бдительность. Листовки врага не поколебали наши ряды, но сам факт их появления насторожил коммунистов.

И еще был один факт, который подтверждал, что среди нас появились предатели. После первого боя мы сменили месторасположение отряда — ушли на заранее намеченную высоту. И буквально на второй день около нее появились немцы. Гитлеровцы рассчитывали на внезапность, но мы своевременно заметили их и встретили таким огнем, что сразу отбили охоту соваться глубже в лес.

Фашисты ограничились сильным минометным обстрелом. Но этот обстрел заставил нас крепко задуматься. Дело в том, что это была не беспорядочная стрельба, — мины ложились точно в расположение лагеря, а затем вдоль тропинок, которые намечены были нами для возможного отхода. Значит, врагу было известно не только место, где мы остановились, но и то, куда мы хотели идти.

Было решено проверять каждого вновь прибывшего человека, повысить бдительность и, кроме того, поручить одному из коммунистов заниматься вопросом внутренней безопасности отряда. Это дело было поручено Михаилу Федоровичу Самойленко.

Вечером Самойленко подошел ко мне и сказал:

— Разведчики донесли, что немцы в районе Горошихов сосредоточили много солдат. На всех подходах к лесу поставлены заставы. Нам остается только один путь — выходить к горе Мулге.

Я понимал, что это единственное верное решение — на Мулге у нас есть продуктовая база, и к тому же район Мулги далек от селений и, стало быть, там еще немцы не были.

В штабе собрались пятеро: Сизов, я, Василий Черный, начальник штаба Досмамбетов и Михаил Самойленко. Наметили по карте путь следования.

— У меня серьезная просьба — сказал Самойленко. — Прошу хранить в тайне пункт назначения. Никому не говорить, куда мы идем, — только одному проводнику.

Командир приказал наше решение не разглашать. Запастись продуктами и патронами, а потом снова выйти на сближение с врагом — вот в чем была цель похода.

Весь следующий день прошел в сборах. В путь вышли

ночью, вернее под вечер. Дорога была дальняя и трудная. Все время шел дождь, люди промокли и устали. В долинах земля размокла и налипала на ноги огромными кусками. Не доходя до места назначения километров десять, отряд остановился на ночной привал. На Мулгу были посланы разведчики, которые возвратились после полуночи и сообщили, что в районе горы никого нет. Хлопцы поднимались на самую вершину, обошли все подходы и никого не встретили.

Ночью сильно похолодало, но костры не разводили, чтобы не привлечь внимание противника. Партизаны спали, тесно прижавшись друг к другу. Хотя выражение «спали» вряд ли будет правильным: холод не давал вымокшим до нитки людям покоя. Как только рассвело, двинулись дальше. Люди в ходьбе согрелись. Идти стало легче — морозцем сковало верхнюю корку земли.

Вдруг, когда мы были почти у самой цели, ко мне подбежал взъерошенный Леонид Глушко и крикнул:

— Впереди немцы! Клянусь — ночью их там не было. Они только подошли. Они сейчас на том самом месте, где я с разведчиками отдыхал.

Мы поднялись на один из холмов. Отсюда хорошо было видно, как немцы расходились повзводно по всему подножию горы, устанавливали пулеметы на дорогах, где мы должны были проходить. Ко мне подошел Самойленко. В обычное время это спокойный, выдержаный человек. А тут я по лицу Михаила вижу, что он взбешен, его тонкие губы сжаты, на щеках шевелятся желваки.

— Где Досмамбетов? Где эта сволочь?

Мой ординарец бросился искать начальника штаба. Но Досмамбетов исчез.

— Я так и знал! Это он предавал нас все время. Еще раньше я заметил, что он очень дружен с Ягье Смаилом, они наверняка выдали нашу базу — ведь, кроме нас пятерых, никто о ее местонахождении не знал...

Посоветовавшись, приняли решение разбить отряд на две группы и немедленно выступать в обход противника. Если немцы охватили гору полукольцом с севера, мы обойдем ее с юга и одновременно по сигналу ударим на флангах.

Разделив отряд на две группы, мы начали обход. Группа Сизова пошла влево, с другой половиной отряда я взял правее, чтобы, обойдя гору, выйти с противоположной стороны.

Идем тихо, разговаривать и курить запрещено. Впереди, шагах в десяти от меня, проводник Миша Горский.

На востоке заалела полоска неба. Над лесом пронесся холодный воздушный вихрь, а вместе с ним донеслись голоса немцев. Я поднял руку и энергично опустил ее — стой и ложись. Миша Горский залез на дерево и тихо доложил:

— Фашисты! Человек тридцать. Ударим, а?

— Не торопись. Нужно ждать ракеты Сизова. Передай Черному и Шувалову — пусть объяснят товарищам обстановку, и немедленно возвращайся, — говорю я своему ординару.

Я вспоминаю первый бой — как вели себя немцы тогда? Заслышиав наши выстрелы, они не бросались сразу на огонь, а сначала обрушивали на то место десятка три мин и снарядов и уже потом шли туда под прикрытием автоматного огня. Это надо учесть, подумал я и выдвинул вперед два пулемета. Сам с небольшой группой партизан отошел правее и залег почти на самой опушке леса. Основные силы спустились в долину и затаялись. Мой план заключался в следующем: как только Сизов начнет бой, я тоже обстреляю немцев на опушке леса и сразу отойду к основной группе. Обработав пустое место минометным огнем, немцы пойдут в лес и попадут под наши пулеметы.

Стало совсем светло, в бинокль я оглядел расположенную впереди нас местность. Без труда можно было видеть приготовления фашистов. Они не очень-то соблюдали меры предосторожности. Вот двое тучных солдат возятся у походной кухни, очевидно, готовят завтрак. Другие чистят оружие, бреются, курят.

— Вот стервы, — шепчет Сидельников.

— Ты о ком?..

— Да о фрицах. Как на парад готовятся, храбрятся друг перед другом... А у самих небось поджилки трясутся...

— Мыльтесь, мыльтесь, — шепчет Леня Глушко. — Вот сейчас мы вас и побреем и пострижем...

В ожидании проходит полчаса. Наконец, левее нас в ненастное небо взивается зеленая ракета. И сразу по лесу раздается дробный стук автоматов. По звуку узнаю — наши. Гулко ухают разрывы гранат. Значит, группа Сизова вступила в бой. По тому, как фрицы беспорядочно ведут огонь, определяю, что внезапный налет

партизан заставил их отступить. Но замешательство у врага было недолгое. Совсем рядом с нами заработали скорострельная пушка и минометы. Лес наполнился гулом.

Настала пора наносить удар нам. Немцы, решив обойти группу Сизова, двинулись как раз на наш участок.

— Почему молчат наши пулеметы? — волнуясь, спрашивает Глушко. — Михаил Андреевич, почему они не стреляют?

— Сперва ударим мы, — говорю я и нажимаю спуск автомата. Леня Глушко выскочил на опушку леса и тоже, прижав приклад своего ППШ к плечу, стреляет короткими очередями. Дав несколько очередей, я машу ему рукой. Короткими перебежками мы уходим к основной группе, не переставая вести автоматный огонь. Очереди хлещут с разных мест — у фашистов, наверно, такое впечатление, что вся правая часть леса полна партизан.

Я не ошибся в немецкой тактике. Минут через пятнадцать на то место, с которого мы первоначально вели огонь, стали падать немецкие мины. Развороченная земля черными фонтанами поднималась вверх. То здесь, то там в месиве земли и дыма мелькали выдернутые с корнями кусты. Воздух с противным визгом резали многочисленные осколки. Видимо, гитлеровцы решили основательно «обработать» участок, на котором, по их мнению, находились партизаны.

Наконец минометный обстрел прекратился, и сейчас же на опушке появилось около сотни гитлеровцев. Фашисты входят в лес, и скоро все пространство перед ними наполняется гулом автоматной стрельбы. Вот последние ряды врагов исчезают в лесу. Эх, сейчас бы самое время для наших пулеметов, стоящих справа. И, словно услышав мою мысль, Самойленко, посланный с пулеметчиками, открывает огонь. А минутой позднее на крутом холме заговорили наши «дегтяревы». Под их огнем оказались цепи гитлеровцев. Немцы пятятся, бросаются наутек. Но каждого, кто поднимается, тотчас настигает наша меткая пуля. Я встаю и поднимаю автомат кверху. Этот знак уже партизанам известен. Все вскакивают, слышится «Ура-а!». Это устремляется в атаку наша группа.

Неожиданный удар партизан, стремительная атака заставили немцев беспорядочно отступить в сторону Копша (ныне Шелковичное). Бросая убитых, с трудом волоча раненых, фашисты скатываются по склону. А левее

все еще идет бой, хотя чувствуется, что и там немцы отступают.

Ко мне подбегает комиссар:

— Андреич! Там... на опушке... Костя...

Запыхавшийся, бледный Василий Ильич бежит обратно. Догоняю его, спрашиваю:

— Ранен?

Комиссар молчит. Хватаю его за руку, поворачиваю. Вижу — не нужно никаких слов: у Василия Ильича на глазах слезы...

С трудом проталкиваемся сквозь плотное людское кольцо. Хмурые лица, обнаженные головы. Сизов лежит на ковре из желтых осенних листьев. Легкий ветерок развеивает пряди каштановых волос. Лицо его спокойно, веки слегка приоткрыты. Кажется, что Костя просто лег отдохнуть после бессонной ночи, тяжелого перехода и жаркого боя. Я подошел к другу, приподнял телогрейку, которой прикрыт Костя. На груди, чуть повыше кармана гимнастерки — темное пятно.

— В самое сердце, — тихо говорит Шувалов. — С высотки только спустились, в атаку пошли, вижу — нет Кости. Минуту назад был рядом. Оборачиваюсь, гляжу, лежит он у куста на локте. Приподнялся, сказал: «Смелее... Сейчас Македонский подсобит...» — и уронил голову. Я подбежал — уже не дышит.

Под вечер выпал первый снег. Лес заснул, покрытый белоснежным покрывалом. У свежей братской могилы выстроился отряд. Комиссар снял шапку. Обнажили головы партизаны.

— Сегодня мы навсегда прощаемся с боевым командиром коммунистом Константином Николаевичем Сизовым и с шестью отважными партизанами, павшими в утреннем бою смертью храбрых. Поклянемся же над их могилой, что будем бить врага без пощады.

Я глядел на мертвого друга. Чувство большого горя не давало вздохнуть, промолвить слово. И именно тогда я по-настоящему, всем сердцем понял, что нельзя давать пощады врагу.

В этой схватке с врагом мы снова оказались победителями, хотя имели потери. После похорон Кости Сизова командиром отряда стал я. В первую очередь послал людей проверить состояние наших продовольственных баз. Разведчики скоро возвратились и принесли тяжелую весть — базы разграблены. Досмамбетов и Ягъя